

30/2
52/7
Архив

306

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

30
НОВЫЙ

ВОЙНА САТИРИКОН

№ 40

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
1 ОКТЯБРЯ

Рис. Ре-ми.

КОЛЛЕГИ.

Иуда: — Ого, какой кушъ! У тебя можно поучиться даже мнѣ!
Фердинандъ Болгарскій: — Не завидуй, Иуда, — вѣдь я продаю цѣлый народъ.

Цензоръ: — Чортъ возьми! Проманулся!

Б Ъ Ж Е Н Е Ц Ъ .

Великѣ Тараса горе:
Уцѣлѣли — онъ да «Мишка»...
А вѣдь былъ на косогорѣ
Свой веселенькій домишко —
За оврагами, за боромъ,
За разбитыми мостами, —
Огороженный заборомъ
И обсаженный кустами.
Десять лѣтъ семья Тараса
Ассигнаціи копила, —
На телѣгу, на савраса,
На вѣнцы, да на стропила;
По зерну основу клали,
По бревну вели хоромы,
По снопу на крышу стлали
Золотой покровъ соломы.
Эхъ! Мужичкіе чертоги!
Кто васъ дѣлаетъ?.. Завота!
Что ни рама — годъ тревоги,
Что ни гвоздикъ — капля пота;
Что ни уголь — то мозоли
На Тарасовой десницѣ.
Что ни камень — сутки боли
И въ хребтѣ и въ поясницѣ.
И не зря, не безъ причины
Всѣ углы подъ образами
Потемнѣли отъ кручины,
Не разбавленной слезами.
Но зато, когда до края
Довели-таки домишко
И забѣгали у сарая
На цѣпи лохматый «Мишка»,
Эхъ и выпили же ловко
За горячею свѣжинкой
И старуха, и золовка,
И Тарась съ своею жинкой!
А потомъ зажали ладомъ
Передъ всѣмъ честнымъ народомъ;
Обсадили стѣны садомъ,
Закруглили огородомъ;
Завела жена коренья,
Завела капусты бочку,
Завела жена соленья,
Родила Тарасу дочку...
Стали счастливы-богаты,
Лаесть «Мишка» у сарая,
Подъ окномъ у бѣлой хаты
Бузина растетъ сырая...
Великѣ Тараса горе:
Уцѣлѣли онъ да «Мишка»...
А вѣдь былъ на косогорѣ
Свой веселенькій домишко!
По бревну снесли хоромы,
По зерну основу срыли,
Отъ Тарасовой соломы
Не осталось даже пыли.
Ни печей уже, ни полокъ,

Ни посуды, ни кастрюли...
Что ни уголь — то осколокъ,
Что ни мѣсто — слѣдъ отъ пули;
Гдѣ-то кто-то съѣлъ коренья,
Гдѣ-то кто-то вывезъ бочку,
На околицѣ селенья
Затоптали въ лужу дочку;
Увели съ собой савраса, —
Конь вѣдь всякому годится...
А жена... Жена Тараса...
Лучше бъ ей и не родиться!

И идетъ Тарась на муку
Безъ пристанища и хлѣба...
Только «Мишка» лижетъ руку,
Да уныло плачетъ небо.

Владиміръ Воиновъ.

Д Е В Я Т Ы Й В А Л Ъ

Волна бѣженцевъ докатилась до Нины Петровны, подняла ее на гребнѣ своемъ и, докатившись до Петрограда, опустила ее на Большой Зелениной, у дома съ часами на башенкѣ.

Швейцаръ поднялъ Нину Петровну на лифтѣ до четвертой площадки, на которой дверь въ мою квартиру, и даль звонокъ.

Такъ, благодаря волнѣ и швейцару, у меня поселилась Нина Петровна, кузина моей кузины.

Дорогіе друзья мои, безъ различія вѣры, національности, состоянія, пола и возраста, если вы хотите поздравить Нину Петровну съ пріѣздомъ — поздравляйте, но меня... меня оставьте въ покоѣ!

* * *

— Гриша, кто у васъ исправникомъ?

— Не знаю, Нина Петровна.

— Не знаешь? Да не можетъ быть!..

— Даю вамъ слово!

— Ты шутишь!.. Какъ это, столько лѣтъ живешь въ городѣ и не знаешь съ семьей исправника... странно! Я думала — ты принятъ въ лучшемъ обществѣ, у тебя бывають... Анатолій Ивановичъ у меня всегда запросто.

— Это кто такой?

— Да нашъ исправникъ!..

Она вдругъ сдѣлала лицо чловѣка, разгадавшаго важную тайну, и, понизивъ голосъ до шопота, спросила:

— Ты изъ этихъ?

— Нѣтъ, я изъ тѣхъ.

— Ты можешь мнѣ довѣриться: кажется, мы очень близкіе люди... Ты изъ поднадзорныхъ?

— Ничего подобнаго!

— Такъ почему же?.. Не понимаю!.. Сдѣлай милость, обьясни.

— Да просто, у меня одинъ кругъ знакомыхъ, у него другой... Да, вообще, здѣсь исправникъ это не то, что у васъ...

— Генераль?! Князь?!

— Не въ томъ дѣло... просто: у насъ такъ много городского начальства, что объ уѣздномъ никто и не думаетъ...

— И не думаетъ?.. — переспросила она, и на лицѣ ея

Рис. 37/54

Гос. Публичная Библиотека в Ленинградѣ

отпечаталось не то недоумѣніе, не то страданіе за престижъ нашего исправника.

— А батюшка у тебя бываетъ?

— Развѣ вы не знаете, — мой отецъ ужъ пять лѣтъ какъ умеръ...

— Да нѣтъ!.. Приходской батюшка.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ: я человекъ холостой — нечего ему у меня дѣлать...

— А по маленькой?

— Что?

— Съ присыпкой...

— Что-о?!

— Съ болваномъ, что ли?..

— А!.. Я въ карты не играю... Да, кажется, духовному лицу не пристало.

— Гм!.. Что же ты по вечерамъ дѣлаешь?

— Хожу въ театръ, на собранія, лекціи, работаю дома, въ гости хожу...

— Къ доктору ходишь?

— Хожу... Къ нѣсколькимъ даже...

— Печенка или почки?..

— Въ гости хожу.

— Къ нѣсколькимъ, да въ гости?.. А у насъ кто къ Паль Дмитричу въ гости ходитъ, тотъ съ Сергѣемъ Константиновичемъ только шапочное знакомство водитъ... Они на ножахъ практикуютъ...

— Хирурги?

— Нѣтъ же... Они между собою на ножахъ!.. И если гдѣ Паль Дмитричъ практикуетъ, такъ онъ заранѣе говоритъ: мое условіе — либо я, либо онъ... А если попадетъ случайно къ больному, у котораго былъ до него Сергѣй Константиновичъ, то не выслушаетъ больного, пока всѣхъ микстуръ и порошковъ Сергѣя Константиновича не выкинетъ изъ окошка...

Она задумалась, потомъ спросила:

— А они у тебя встрѣчаются?

— Встрѣчаются.

— И ничего?.. Не ругаются?

— Ничего, бесѣдуютъ мирно...

Я поглядѣлъ на часы и сказалъ:

— Мнѣ, Нина Петровна, въ три часа нужно быть по дѣлу на Невскомъ; теперь часъ, — у меня, слѣдовательно, есть два часа свободнаго времени. Если хотите, я покажу вамъ музей Александра III...

— Допотопные скелеты?

— Нѣтъ, собраніе картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ.

— У меня самой тамъ осталось не мало картинъ!

— Хорошихъ мастеровъ?

— Не глядѣла фамилій... Если интересуешься, зайти въ «Ниву», это все ихнія приложения, они тебѣ все скажутъ... Заходи, заходи — и мнѣ расскажешь... Заходи!..

— Спасибо, какъ-нибудь... Такъ не пойдете?

— Сама не знаю... Погляжу, уйду, и словно и не глядѣла, только ноги зря избилла... Вотъ, если на своей стѣнкѣ — тогда другое дѣло... Привыкаешь, какъ къ другой мебели... Пойти ради тебя, что ли?..

— Ради меня не стоитъ, ради меня какъ-нибудь въ другой разъ!..

— Какъ хочешь!.. Ты вотъ найди мнѣ Зинку, спасибо тебѣ скажу.

— Какую Зинку?

— Я съ нею въ губернскомъ епархіальномъ была лѣтъ двадцать тому назадъ, — Зинка Воздвиженская, она замужъ за какого-то чиновника вышла и въ Питеръ переѣхала.

— Какъ ея фамилія по мужу?

— Не знаю, милый!

— Такъ какъ же я ее найду?!

— Да знакомыхъ спроси... Зинка... красивая такая!.. Да кто жъ ее не знаетъ?.. Приятно было бы встрѣтить ее... Я тебѣ сейчасъ расскажу о ея побѣдахъ въ губерніи надъ вашимъ братомъ, мужчиной... Книгу цѣлую напишешь... Однажды... .. Тоска сжала мое сердце.

— Милая Нина Петровна, я хотѣлъ бы сначала розыскать вашу подругу, и потому я сейчасъ же отправлюсь на поиски!

— Иди, иди, дорогой!

* * *

... Я знаю: волна, принесшая Нину Петровну, была — девятымъ валомъ... И я понимаю теперь, почему моряки считают его роковымъ!

Исидоръ Гуревичъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Журналъ Журналовъ* цитируетъ недавно вышедшую роскошную монографію о В. А. Сухомлиновѣ, подписанную громкимъ именемъ В. Д. Думбадзе (не тотъ, не тотъ! Не думайте о томъ ничего дурного...)

Среди реформъ, какія имѣютъ прославить б. министра, чернымъ по бѣлому, указано:

... Были приняты мѣры къ тому, чтобы заготовить достаточное количество патроновъ... (!) Для ускоренія снаряженія патроновъ военнаго времени были созданы новыя снаряжительныя мастерскія, благодаря чему на войнѣ не ощущается недостатка боевыхъ припасовъ для пѣхоты (!).

Многого не могъ не замѣтить самъ авторъ, воспѣвающий реформы Владиміра Александровича.

Нельзя не отмѣтить, что если часть реформъ и не сказались до настоящаго времени въ видѣ осязательныхъ результатовъ, — то это лишь только потому (!), что эти реформы касаются того момента въ жизни государства, когда въ его предѣлы вторгается врагъ, а такой моментъ наступилъ только нынѣ (!).

Иначе говоря, если и сказываются недостатки, — такъ это только потому, что наступила война и пришли нѣмцы. Безъ этого, — все, право же, было бы въ порядкѣ, — увѣряетъ авторъ монографіи, вполне сходясь съ тѣмъ мужикомъ, который не хотѣлъ чинить протекающую крышу своей избы.

— Не въ дождь же мнѣ за работу братья! — резонно говорилъ этотъ мужикъ.

— Такъ ты бѣ тогда, когда нѣтъ дождя, поработай.

— Вотъ еще! Когда дождя нѣтъ, крыша и такъ не протекаетъ. Удивительное произведеніе г. Думбадзе заключается слѣдующими словами:

Эта великая война Россіи навсегда (!!) будетъ связана съ именемъ военнаго министра Россіи Владиміра Александровича Сухомлинова.

Авторъ здѣсь путаетъ, очевидно, два кажущихся равнозначущими понятія:

— Войти въ исторію...

И:

„Влетѣть въ исторію“.

Ибо медлительная спокойная исторія требуетъ, чтобы въ нее медлительно и спокойно „входили“.

А отнюдь не влетали, какъ пестрая, глупая бабочка въ раскрытое окно...

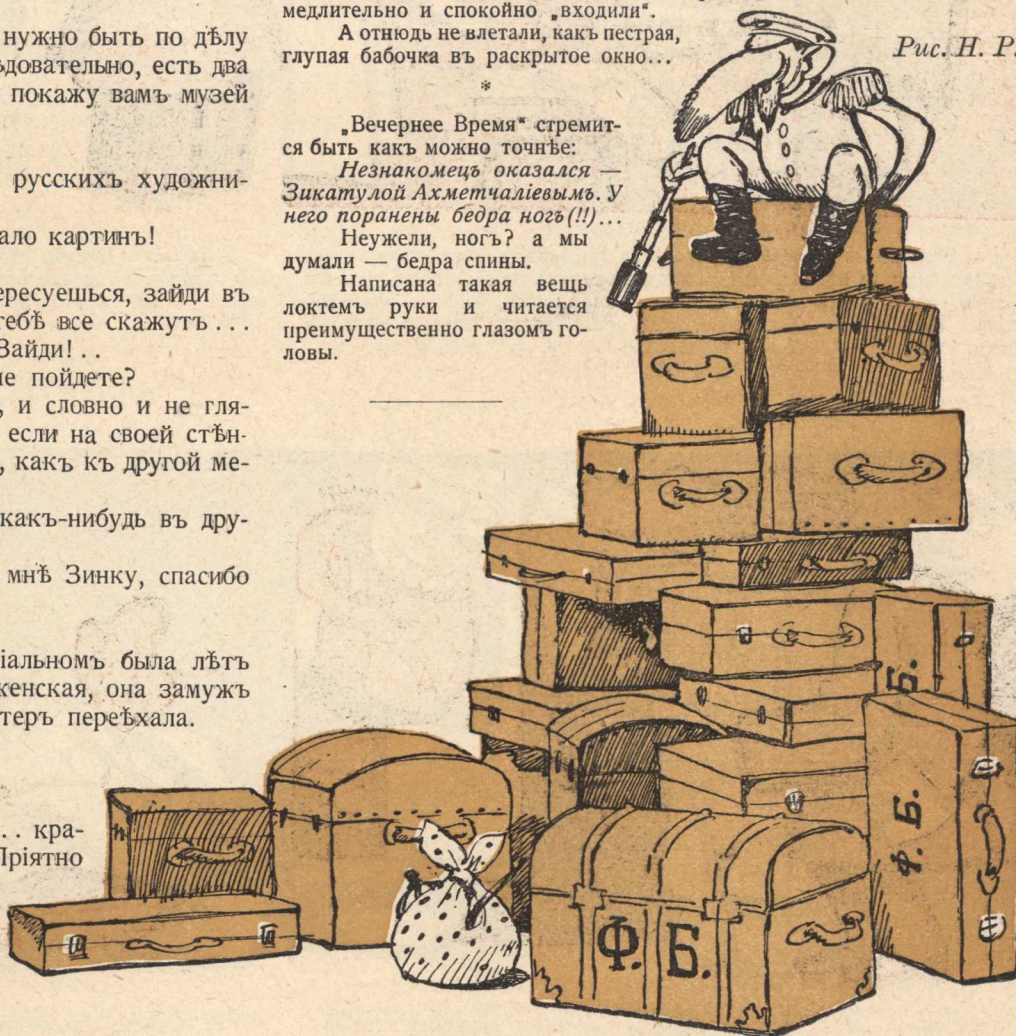
Рис. Н. Р.

„Вечернее Время“ стремится быть какъ можно точнѣе:

Незнакомецъ оказался — Зикатулой Ахметчалиевымъ. У него поранены бедра ногъ (!!)...

Неужели, ногъ? а мы думали — бедра спины.

Написана такая вещь локтемъ руки и читается преимущественно глазомъ голы.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ.

Фердинандъ: — Соберу-ка свои чемоданы, на всякій случай! А спросятъ, — скажу: подготавливаю, молъ, себя на тотъ случай, если придется поставить тронъ свой на вершинѣ Балканъ.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ О ДВУХЪ НАИВНЫХЪ, ПОВѢРИВШИХЪ ВЪ МУНИЦИПАЛИТЕТЪ.

Рис. А. Радакова.

1) Молодой, жизнерадостный пошелъ Паша Гренковъ покупать дрова по дешевой цѣнѣ изъ городского склада.

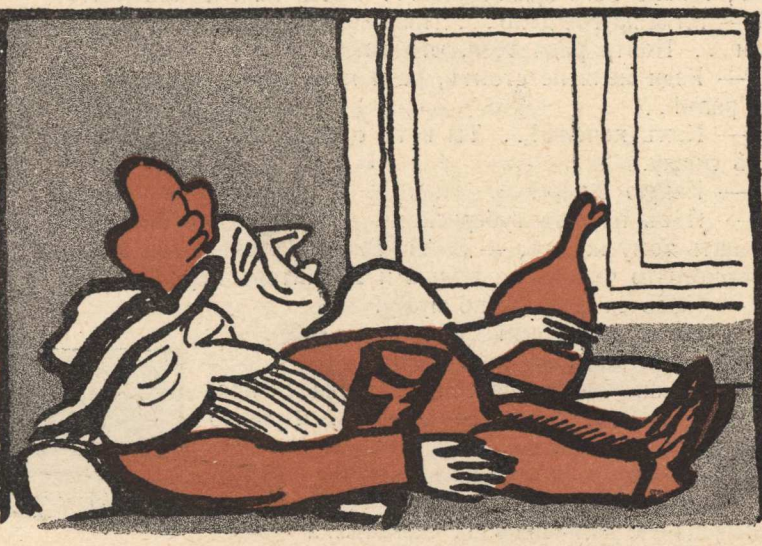
2) Молодая, жизнерадостная супруга его, Вѣрочка, пошла покупать провизію изъ городской лавки.

3) И молодая, жизнерадостная прислуга ихъ, Нюша, пошла покупать сахаръ по дешевой цѣнѣ.

4) Пока мѣсть доходила очередь до Гренкова, дрова повышались въ цѣнѣ и бѣдняга, бѣгая за деньгами домой, терялъ свое мѣсто въ очереди. Прошло много, много времени; когда, состарившись, принесъ онъ одно полѣно. Увы, провизія, которую, тоже, долго, долго ожидала Вѣрочка (теперь старуха), — совсѣмъ испортилась.

5) Опять пошла, страдальца, долго-долго ждала и, купивъ провизію, истративъ на это остатокъ своего большого приданого, пришла домой. Увы, за это время дрова всѣ вышли.

6) Рѣшили тогда Гренковы бросить разумную экономію и по дорогой цѣнѣ въ простой лавкѣ купили, но по дорогѣ рѣшили опять сэкономить и ѣхать на трамваѣ, а не на извозчикѣ. Шли дни, — молодые, ломая другъ другу ребра и руки, занимали трамвай. Шли годы, новые люди пришли на смѣну старымъ...

7) И когда они, наконецъ, пріѣхали къ своей квартирѣ, контрактъ, уже былъ нарушенъ, имъ предъявили искъ въ 3.000.000 р., а ихъ квартиру отдали бѣженцамъ, которые платили за $\frac{1}{2}$ аршина 150 р. въ день. Гренковы легли около квартиры и умерли. Такъ погибли наивные люди, повѣрившіе отцамъ города.

НА БАЛКОНѢ.

I.

Нынче небо хмурится и плачетъ,
Сражено невѣдомой печалью,
И лицо свое отъ міра прячетъ
За холодной сѣрою вуалью.
Солнца нѣтъ. Да и на что намъ солнце,
Этотъ нищій въ сферѣ риѳмъ-созвучій,
Изъ которыхъ «тусклое оконце»
Признается самой лучшей?
То ли дѣло саваны-туманы,
Сѣрыхъ тучъ угрюмо-сѣрый пологъ,
Сѣрый свѣтъ, такой скупой и странный,
Сѣрый день, что такъ тоскливъ и дологъ,
И такъ больно задѣваетъ сердце!..
Вотъ еще одинъ печальный нищій,
Тяжкой цѣпью прикрѣпленный къ «дверцѣ»,
Дочери вульгарнаго жилища!
Что межъ ними общаго, — скажите?
Дверь и сердце!.. *Сердце!*.. То-то любо! —
Золотыя тающія нити,
И... доска, обструганная грубо!

II.

Но пока я сочинялъ все это,
Злое небо плакать перестало,
И въ сіяны золотого свѣта
Солнышко на небѣ заблестало!
Только очи нищаго олонца,
Никогда не знавшаго богатства,
Могутъ видѣть въ этомъ блескѣ червонца!
Блескѣ червонца! Что за святотатство!!
«Солнце, солнце! Золотое донце
Золотого божьяго сосуда!
Озари сознание и оконца
Жалкаго олонецакаго люда!
Солнце, солнце, чудо-веретенце!
Протяни мнѣ золотыя нити! —
Кто-то крѣпко заперъ дверь балконца,
Не могу изъ заточенья выйти!»
Но въ отвѣтъ на стонъ сатириконца
Красно-солнце гнѣвно отвѣчало:
— «Ты, отвергшій тусклый блескѣ червонца,
Оглянись-ка на себя сначала!
Сколько разъ, здѣсь, на балконѣ, стоя
И копя стихи для фельетонца,
Ты давалъ мнѣ кличку «золотое»? —
Далеко ль ушелъ ты отъ олонца?!

III.

Дорогое солнышко, не будемъ
Принимать обиду близко къ сердцу!
Помоги мнѣ возвратиться къ людямъ,
Иль сожги захлопнутую дверцу!
(Кстати, дверца! — Врядъ ли вы для сердца
Сыщете удачнѣе словечко! —
«Растворилась крохотная дверца
Маленькаго робкаго сердечка
И вошелъ туда стопою властной
Тотъ, кто былъ для сердца такъ привыченъ...»
Этотъ образъ, яркій и прекрасный,
Развѣ онъ, друзья, не поэтиченъ?)
Сжалилось солнце надъ поэтомъ,
Протянуло золотыя нити,
А поэтъ, обласканный привѣтомъ,
Сталъ веревку золотую вити.
А какъ стала достигать веревка
До панели, хмурой и далекой, —
Онъ по ней спустился наземь ловко
И ушелъ къ своей голубошкой!

Василій Князевъ.

РАЗДВОЕНІЕ ЛИЧНОСТИ.

Шель дождь.

Я сидѣлъ у раскрытаго окна и смотрѣлъ на мокрыя сосны,
отъ которыхъ пахло псиной. На душѣ была смертельная тоска.

А на кушеткѣ вздыхало тѣло моей жены.

— Взять бы топоръ, да срубить къ чорту эти дурацкія сосны, чтобы не торчали передъ окномъ, — подумалъ я и повернулся къ женѣ.

— Мадамъ, чего вы вздыхаете? Чего вы стонете, Истерія Неврастеніевна, а? Что вы голодны, не одѣты, не обуты или къ ссылкѣ въ Туруханскій край приговорены?

Жена вскрикнула, и плечи ея запрыгали на подушкѣ.

Я остолбенѣлъ. Истерику у жены вызываетъ только ревность.

— Опять? — крикнулъ я съ отчаяніемъ. — Но къ кому же, къ кому, чортъ возьми? Къ дяконицѣ, къ геморрой-дальной попадѣ или къ женѣ псаломщика, у которой изо рта сырой говядиной пахнетъ? Наверно къ дяконицѣ. Въ ней 15 пудовъ, и я вѣсомъ ея увлекся. Ха-ха-ха... — захоталъ я и испугался своего смѣха. — Боже мой, Боже мой, когда же ты перестанешь мучить меня, Соня. Въ городѣ отъ тебя не было покоя. Послушалъ врачей, бросилъ все, забрался въ эту глушь. Думалъ, хоть здѣсь ты успокоишься, укрѣпишь нервы. Но прошла недѣля, и опять ты за свое. Ну, скажи, къ кому, скажи!..

Жена рыдала, вцѣпившись зубами въ подушку.

— Съ ума можно сойти! — крикнулъ я съ тоской и зашагалъ по комнатѣ.

— Ну, Соня, милая, жена моя молодая... Ну, скажи, дѣтка, что я долженъ сдѣлать, чтобы ты была спокойной, радостной, счастливой, что? Ну, клянусь, я все, все сдѣлаю... Ну, смотри, вотъ я становлюсь на колѣни у твоего тѣла, у твоего молодого, прекраснаго тѣла, цѣлую ножки твои, край одежды твоей цѣлую и плачу, плачу... Ну, почему мы такъ дурно живемъ, зачѣмъ губимъ наши лучшіе дни, зачѣмъ мы въ этомъ захоlustѣ, среди сѣрыхъ, жалкихъ личностей? Вѣдь это же не люди, а личности... Смотри, я уже шучу, уже не плачу и опять цѣлую твои маленькія ножки. Ну, пожалѣй своего Костика, пожалѣй свою конституцію... Дай, я лягу возлѣ тебя. Ну, вотъ, вотъ такъ, такъ... Охъ, ты моя умница, Софья ты, мудрость ты моя... Цѣлуешь, жалѣешь... Благодарю, мерси, ихъ данке... Можно по-нѣмецки? Ха-ха-ха, смѣешься уже. Ахъ, ты, плутовка, и не стыдно тебѣ конституцію нарушать, а?

— Ты гадкій, ты без-нрав-ствен-ный, — сказала жена, всхлипывая.

— Я безнравственный? А-я-яй, Соня, Соня, Бога ты не боишься.

— А почему, почему ты...

— Что?

Жена усѣлась, поджавъ подъ себя ноги и, глядя мнѣ въ глаза, сказала со злорадствомъ:

— Почему ты ухаживаешь за мной, когда я бываю интересна, пикантна, какъ ты говоришь. Ты тогда смотришь на меня нехорошими, жадными глазами и говоришь, задыхаясь: какая женщина! И цѣлуешь меня всю, клянешься вѣчно любить, словомъ, дурѣешь какъ любовникъ... Почему это? Ага, ага, поблѣднѣлъ! Ахъ, ты гадина, какой же ты испорченный, — я и не знала.

У жены зло загорѣлись глаза.

— А когда я печальная, когда я въ старенькомъ капотѣ, ты не ласкаешь меня, а только раздражаешься и ноешь. Почему это, а?

— Нѣтъ, ты съ ума сошла, — сказалъ я и сѣлъ въ кресло. У меня даже лобъ вспотѣлъ и потускнѣло пенснэ.

— Вы — развратникъ, — крикнула визгливо жена. — Вамъ тѣло, красиво обутую ногу подавай, вы... вы... вы... вы...

И снова истерика, безнадежная, безконечная...

Я взялъ зонть и вышелъ.

* * *

Утро слѣдующаго дня было солнечное, радостное. Сосны высохли и испускали аромать.

Я помирился съ женой.

Она, изящная, кокетливая, качается въ гамакѣ и говоритъ игриво мнѣ:

— Не смотри, не смотри на меня такъ, а то я опять тебя приревную.

— Къ кому? — испугался я.

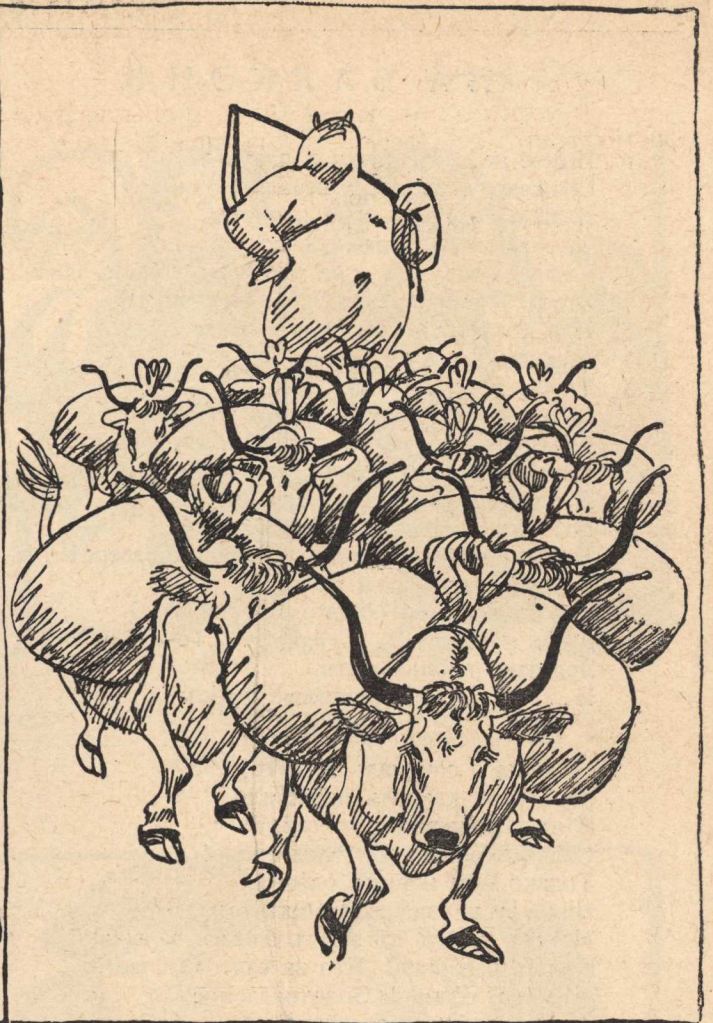
— Къ себѣ.

— Ты шутишь...

— Нисколько. Мнѣ кажется, что ты любишь меня только изящную, веселую, а ко мнѣ печальной, одинокой — ты совершенно равнодушень. И печальная ревнуетъ къ кокетливой, игривой.

— Н-н-ну, знаешь... — сказалъ я и отъ удивленія сѣлъ въ тарелку съ земляничкой.

В. Черній.

СОВѢТЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВѢ.

Сидѣли они и думали:

— О, Боже, Боже!... Какъ же доставить сюда, въ Петроградъ, муку и быковъ, если нѣтъ вагоновъ для этого! Приходится сидѣть безъ муки и мяса...

— И однако (спрашиваетъ „Новый Сатириконъ“), что можетъ быть проще того, чтобы безъ всякихъ вагоновъ доставить въ Петроградъ муку и быковъ?

Для этого нужно только нагрузить муку на быковъ и пригнать все это въ столицу!!

О ПОДАРКАХЪ И О ПРОЧЕМЪ, ЧТО СЪ НИМИ СВЯЗАНО.

(Лѣнныя мысли.)

Аркадія Аверченко.

Почти вся наша жизнь проходитъ въ томъ, что мы или даримъ кому-нибудь подарки или получаемъ ихъ отъ кого-нибудь.

Но это бытовое явленіе до сихъ поръ до того не урегулировано, до того не приведено въ норму, до того безсистемно — что прямо противно. Ей Богу.

Существуютъ сотни глупѣйшихъ руководствъ «къ изученію танцевъ», «къ разведенію канареекъ», «къ выдѣлкѣ туалетнаго мыла» — и нѣтъ ни одного простого доступнаго руководства «къ подаркамъ».

На прилавкѣ книжнаго магазина я однажды наткнулся даже на такую книгу: «Теорія наибольшаго момента въ однопролетныхъ балкахъ»... Кому это нужно? Что за глупости! Инженерамъ? Да инженеровъ у насъ сотни, а людей, дѣлающихъ подарки — сотни тысячъ.

Кто же для кого, спрашивается, существуетъ! Писатели для публики или публика для писателей?..

Благодаря отсутствію краткаго вразумительнаго «руководства къ подаркамъ», экономическая и этическая сторона жизни страны приходитъ въ упадокъ, и народъ погрязаетъ.

* * *

Къ сожалѣнію, дураковъ на свѣтѣ въ тысячу разъ больше, чѣмъ умныхъ людей и, поэтому, мы съ вами, читатель, должны страдать отъ этого обилія.

Не будь дураковъ, вопросъ «о подаркахъ» разрѣшался бы очень просто: являетесь вы къ имениннику и говорите ему: «Здравствуй, Василий Спиридоновичъ! Вотъ тебѣ 18 рублей 50 копеекъ — получай подарочекъ!»

Вы выкладываете на столъ деньги и съ довольнымъ видомъ объясняете:

— Видишь ли, дорогой другъ, сейчасъ я хотѣлъ купить тебѣ большую фарфоровую кошку за 18 рублей 50 копеекъ, но потомъ взбрело мнѣ въ голову: на кой чортъ тебѣ кошка?

Не проживешь ты безъ нея, что ли? Вотъ я и рѣшилъ отдать тебѣ наличными. Спрячь, братецъ, въ карманъ и носи на здоровье.

Кажется, и логично и умно?

А попробуйте такъ сдѣлать! Раскритичится Василий Спиридоновичъ, какъ пѣтухъ передъ зарей, швырнетъ вамъ въ лицо деньги и порветъ всякія связи съ вами.

Вы думаете такихъ тупицъ мало: деньги въ лицо швырнетъ, а фарфоровую кошку, купленную на эти самыя деньги, приметъ съ благодарностью.

А что ему кошка? Маленькій онъ, что ли?

* * *

— Что мнѣ сегодня дѣлать, — съ тоской во взорѣ спросилъ Саксауловъ. — Три именинницы, и не знаю, что каждой подарить?

— А кто онѣ такія? — спросилъ я, сочувственно погладивъ его плечо.

— То-есть, сколько имъ лѣтъ?

— Да; это главное!

— 12, 30 и 50.

— Такъ-съ, — задумался я. — 12, 30 и 50. Всего — 92. Порядочно!

— 92 тутъ ни при чемъ, — сухо замѣтилъ Саксауловъ. — Дарить нужно каждой порознь.

— Гм... да. Знаешь что? Дѣвочкѣ подари игрушку, тридцатилѣтней что-нибудь приятное, а пятидесятилѣтней — полезное.

— А что полезное?

— Мало ли... Мясорубку какую-нибудь, отраву для мышей, автомобильный гудокъ, домашній траволѣчебникъ или стѣнной календарь.

— Въ сентябрѣ-то? Да и потомъ что стоитъ стѣнной календарь — цѣлковый всего.

— Дюжину подари.
 — Положимъ, это вѣрно. Ну, а что мы подаримъ тридцатилѣтней? Ты говорилъ — приятное.
 — Фарфоровую кошку подари.
 — Чѣмъ же кошка приятная?
 — Да вѣдь фарфоровая же!
 — Ну?
 — Такъ что же въ ней дурного?
 — Мертво.
 — Подари живуюю.
 — Тривиально. У кого нѣтъ живой кошки?
 — Тогда не кошку. Ну... барсука, что ли. Или зайца.
 — А развѣ живые зайцы есть?
 — Господи! Мало ли ихъ.
 — Ну, вотъ спасибо. Теперь остается дѣвчонка. Что бы такое дѣвчонкѣ подсунуть.
 — Игру какую-нибудь. Мячъ.
 — Есть у нея.
 — Лото, вышивальныи приборъ или большую куклу.
 — Все есть.
 — Книги есть? Велосипедъ, медвѣдь?
 — Все есть.

Я втайнѣ обозлился на эту столь обезпечившую себя земными благами дѣвчонку.

— Медвѣжий капканъ у нея есть?!
 — Н... нѣтъ. Насколько я знаю.
 — Вотъ и подари ей. Вещь любопытная и научная.
 — А... для чего онъ ей?
 — Чудакъ! Кто же дѣлаетъ дѣтямъ подарки, которые нужны для чего-нибудь. Именно, вся прелесть подарка въ томъ, что онъ непрактиченъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — проченъ и, какъ память, останется навсегда.
 — Онъ, дѣйствительно, проченъ? Его нельзя сломать?
 — Нѣтъ. Скорѣе онъ сломаеть.
 — Если бы онъ стоилъ 11 рублей! — уже начиная сдаваться, пробормоталъ Саксауловъ.
 — Онъ именно и стоитъ 11 рублей, — ненавида втайнѣ увертливую дѣвчонку, поддакнулъ я.

Такимъ образомъ, въ одинъ сентябрьскій день и явился Саксауловъ въ знакомое семейство съ подарками: живой заяцъ, дюжина стѣнныхъ календарей и медвѣжий капканъ.

* * *

Изъ вышеизложеннаго читатель можетъ вывести заключение: какъ легко совѣтовать другому.

Не то получается, когда нужно измыслить какой-нибудь подарокъ для своихъ собственныхъ друзей.

Самое трудное здѣсь то, что въ именинный день у васъ есть масса конкурентовъ, недалекихъ пошляковъ, которые съ тупымъ упорствомъ захватываютъ для себя самые легкіе предметы: духи, конфеты, цвѣты — для дамы, курительный приборъ и кожаный бумажникъ — для мужчины и розово-щековую куклу — для ребенка.

И приходится въ этомъ случаѣ или идти въ ногу съ проклятымъ шаблономъ, или быть совершенно оригинальнымъ, что крайне трудно.

Однажды, измышляя подарокъ для молодой барышни, я перебралъ всѣ предметы, которые ей, навѣрное, поднесутъ другіе, и остановился на такомъ, котораго навѣрное никто не догадается подарить.

И подарокъ былъ недешевый для моего кармана: 160 рублей.

— Что это? — обрадованно спросила барышня, когда человекъ изъ магазина внесъ въ переднюю объемистый свертокъ.

— Это вамъ, Нина Петровна, на память обо мнѣ.

— Ну, зачѣмъ вы тратитесь, — съ упрекомъ сказала она, разворачивая свертокъ. — Боже ты мой! Что это такое? Автомобильныя шины!

— Да! Двѣ. Кажется, что эта марка сейчасъ считается лучшей.

— Но у меня вѣдь нѣтъ автомобиля?!

— Богъ дастъ, будетъ, — весело сказалъ я. — Вы только скажите: онѣ вамъ нравятся? Вещица недешевая.

Дѣвушка вяло поблагодарила меня и молча поплелась въ свою комнату.

— Поймите, Нина Петровна — это все, что я могъ, при моихъ скромныхъ средствахъ, — объяснялъ я, догоняя ее. — Конечно, будь я богаче, я подарилъ бы вамъ сѣялку Редавея или зубо-врачебное кресло. Но они дьявольски дороги! Эхъ!! Будь я капиталистомъ... Что можно сдѣлать съ большими деньгами!..

Полагаете ли вы, что меня кто-нибудь понялъ въ этомъ домѣ? Никто! И самый послѣдній поздравитель, преподнесшій именинницѣ фаянсовую чайную чашку съ надписью «чай пей изъ этой чашки и оставь свои замашки» (препошлый подарокъ) — даже этотъ поздравитель поглядывалъ на меня свысока.

* * *

Тривиальные подарки и принимаются самымъ шаблоннымъ образомъ.

Если цвѣты — дама обязательно прижметъ ихъ къ груди, понюхаетъ и скажетъ: «какая прелесть», хотя бы это былъ пучекъ полузавядшей ромашки. Тутъ же она заявитъ, что «больше всего любить цвѣты».

Если вы дарите коробку конфетъ — онѣ немедленно открываются и добросовѣстно преподносятся всѣмъ окружающимъ, — будь то шоколадъ, или лепешки отъ кашля, или просто желудочныя конфеты Стиггинса...

Здѣсь для именинницы самая умѣстная фраза:

— Зачѣмъ вы меня балуете?..

* * *

Часто самые невинные подарки приводятъ къ зловѣщимъ результатамъ.

Одинъ мой знакомый, отроду не курившій, получилъ въ подарокъ золотой портсигаръ.

Это толкнуло его на предательскій путь куренія, онъ втянулся, разстроилъ свои и безъ того слабыя легкія и умеръ въ злѣйшей чахоткѣ; испуская духъ, оглядѣлъ всѣхъ кроткими потухающими глазами, въ которыхъ ясно читалось: за что?

Дѣвушкѣ, напоминавшей своей чистотой цвѣтокъ лотоса, какая-то дальняя родственница въ день рожденія подарила коньки. У дѣвушки и въ мысляхъ не было кататься на конькахъ, но тутъ фактъ обладанія коньками самымъ настойчивымъ образомъ толкнулъ дѣвушку на этотъ скользкій путь. И что же? Этотъ цвѣтокъ лотоса, эта водяная лилія познакомилась на каткѣ съ молодымъ интендантскимъ чиновникомъ, сошлась съ нимъ, родила ребенка, задушила его, судилась, облила возлюбленнаго какой-то гадостью, бросилась въ воду, простудилась и умерла, совсѣмъ упустивъ изъ виду проклясть коньки и дуру; дальнюю родственницу.

Однажды, бродя по магазинамъ въ поискахъ ипрушекъ, я наткнулся на чудесное произведеніе игрушечнаго искусства: это былъ большой тощій тигръ съ ошейникомъ свирѣпыхъ волосъ вокругъ шеи и упрямо качавшейся головой. Пустить въ дѣло эту игрушку рекомендовалось такъ: завести часовую механику и поставить тигра куда-нибудь въ темный уголь. Глаза у него загорались краснымъ огнемъ, изо рта виднѣлось красное пламя, и вся его качающаяся упрямо и методически голова напоминала голову материализовавшагося дьявола.

— Господи! — подумалъ я. — Сколько будетъ радости ребенку! Мальчуганъ отъ счастья ногъ подъ собой не почуветъ.

Купилъ. Принесъ. Развернулъ тайкомъ. Украдкой поставилъ въ мальчишкину комнату, въ самый темный уголь. Завелъ механизмъ и, отозвавъ въ сторону мальчишку, сказалъ ему:

— Сходи къ себѣ въ комнату и принеси мнѣ мячикъ, который въ углу. Найдешь въ темнотѣ?

— Конечно, найду! Подумаешь: важность, — сказало это простодушное дитя.

Ранней весной, сидя съ его матерью на маленькой, уже успѣвшей покрыться травкой, могилкѣ, мы долго и грустно толковали о непрочности дѣтскаго организма.

— Да-а, — меланхолически протянулъ я, заканчивая нашу бесѣду. — Не жилецъ онъ былъ на этомъ свѣтѣ... Ясно.

* * *

Въ заключеніе могу замѣтить, что легче всего преподнести подарки деликатному человекъ. Такой всегда обрадуется и похвалитъ вещь, какъ бы она ни была гнусна и никчемна.

Вышеприведенная барышня съ автомобильными шинами была неделикатна. Поэтому все и окончилось такъ печально.

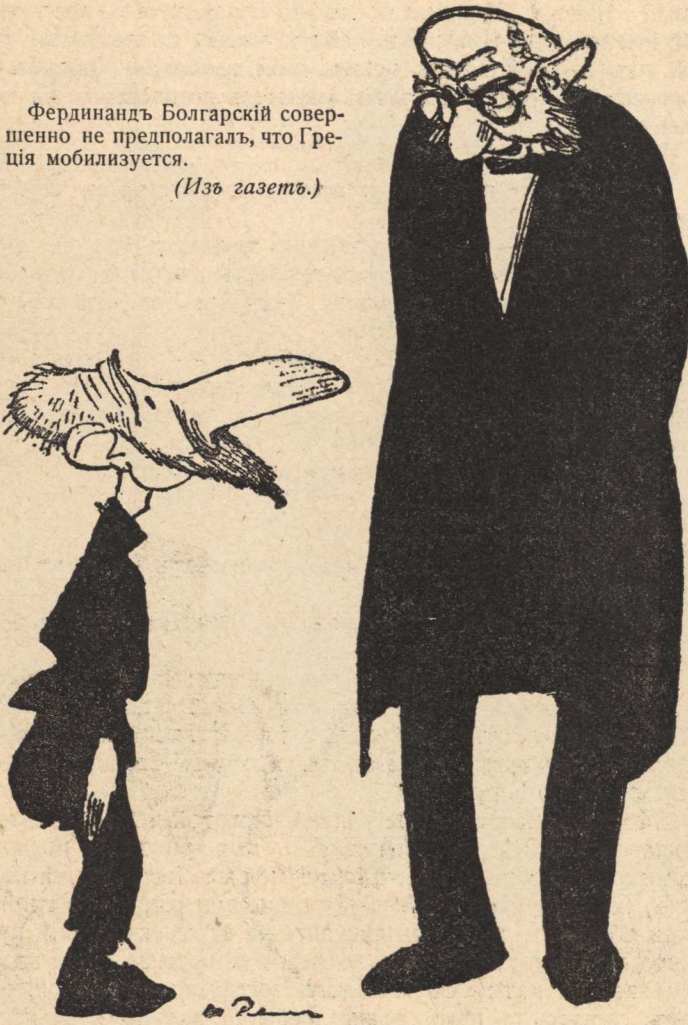
А деликатный человекъ обрадовался бы и шинамъ, какъ отцу родному:

— Что это? Шины?! Какая прелесть. Какія онѣ... твердыя-твердыя! И какъ хорошо пахнутъ. Резиной. А ну, поставьте ее къ стѣнѣ. Поглядите, какъ ея сѣрый цвѣтъ эффектно выдѣляется на синемъ фонѣ. А это зачѣмъ шишечка? Накачивать воздухъ? Боже, какъ все изумительно

Рис. Ре-ми.

Фердинандъ Болгарскій совершенно не предполагалъ, что Греція мобилизуется.

(Изъ газетъ.)

ПРОВАЛИЛСЯ.

— Мальчикъ Кобургъ! Вы совершенно ничего не знаете по-греческому. Ставлю вамъ единицу!

предусмотрѣно. Большое, большое вамъ спасибо! Это именно то, о чемъ я мечталъ. О, плутишка! Онъ знаетъ, чѣмъ угодить своему старому другу.

Одной доброй дамѣ какой-то старый болванъ подарилъ одиннадцать гипсовыхъ слоновъ, — огромныхъ, отвратительныхъ — и объяснилъ, что это «на счастье». Это были одиннадцать неуклюжихъ пощечинъ, отлитыхъ изъ грязнаго гипса.

Старикъ привезъ ихъ, втащилъ въ гостиную и разставилъ на полу у стѣны. Это было грязное пятно, позоръ гостинной, но добрая дама сдѣлала видъ, что она очень счастлива: гладила слоновъ и восхищалась ими.

Однако, едва старикашка отковылялъ домой, добрая дама залилась слезами и велѣла выбросить куда-нибудь подальше эту гипсовую дрянь.

— Совсѣмъ выбросить? — спросила горничная, сочувственно глядя на барыню.

— Что ты! Съ ума сошла? А вдругъ онъ опять придетъ... Засунь куда-нибудь, а когда онъ придетъ снова — выставь ихъ на это же мѣсто.

Старикъ ѣздилъ къ этой дамѣ частенько и, поэтому, весь домъ долженъ былъ быть на чеку.

Едва раздавался у подъезда стукъ лошадиныхъ копытъ, какъ швейцаровъ мальчишка бѣжалъ сломя голову по лѣстницѣ и визжалъ, выпучивъ глаза:

— Приѣхадши! Выставляйте!!

Въ домѣ поднималась суета, огромные слоны перетаскивались изъ чулана всѣми членами семьи, а если какой-либо изъ слоновъ запаздывалъ (старикъ всегда аккуратно и любовно ихъ пересчитывалъ), то старика задерживали въ передней, цѣлуя его, лаская и восхищаясь имъ, пока все въ гостиной не приводилось въ порядокъ.

Бывали и ложныя тревоги, что нервировало и лишало спокойствія всѣхъ обитателей квартиры...

Вотъ вамъ и будь деликатенъ послѣ этого!

Что касается меня, то я никогда не поставлю эту даму въ такое гнусное положеніе. Скоро ея именины, и я подарю

ей что-нибудь, что дѣйствительно бы служило украшеніемъ гостиной: изящную лошадиную шкуру или большую глиняную собаку съ глазами изъ двухъ красныхъ электрическихъ лампочекъ.

Арк. Аверченко.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Дружная семья.

Существуетъ немного рѣзкая, но справедливая поговорка о нѣкоторыхъ индивидуумахъ, кои, будучи посажены за столъ, располагаютъ свои оконечности такъ неудачно, что часть ихъ какимъ-то образомъ оказывается на поверхности стола, вмѣсто того, чтобы скромно скрываться гдѣ то внизу, между ножекъ стола...

Пожалуй, ни къ кому эта поговорка не примѣняется такъ удачно, какъ къ главѣ нашихъ доблестныхъ противниковъ — нѣмцевъ:

Копенгагенскій корреспондентъ „Daily Mail“ сообщаетъ, что кайзеръ во время своихъ визитовъ иностраннымъ монархамъ, мимоходомъ занимается шпионствомъ. Въ Берлинѣ очень гордятся тѣмъ, что цеппелинъ, совершившій недавно полетъ къ Балтійскому морю, во время этого полета руководствовался тѣмъ наброскомъ карты, который дѣлалъ самъ кайзеръ въ дни своего послѣдняго пребыванія въ Россіи.

Выходитъ, что каждый изъ Гогенцоллерновъ, приѣхавъ въ Россію, велъ себя сообразно со своими склонностями: папаша шпионилъ, одинъ сынокъ пьянствовалъ, а старшенькій, внимательно оглядѣвшись кругомъ, разсовывалъ по карманамъ столовое серебро и бездѣлушки, попадавшіяся ему на глаза.

Семейка!

Рѣдкій сортъ негодяевъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ печатаемъ нижеслѣдующую „Волчью ягоду“...

Если бы по техническимъ условіямъ это было возможно, мы напечатали бы текстъ этой „ягоды“ золотыми буквами, подчеркнувъ ихъ жирной красной чертой. Вотъ оно какъ приходится.

А именно:

Предсѣд. Госуд. Думы М. В. Родзянко, проѣздомъ черезъ Харьковъ, бесѣдовалъ съ сотрудн. „Южнаго Края“...

На вопросъ сотрудника: насколько основательны слухи, ходившіе по Петрограду, о желаніи нѣкоторыхъ круговъ въ ближайшемъ будущемъ заключить сепаратный миръ?

М. В. Родзянко вскипѣлъ отъ негодованія:

— Негодяи только говорятъ объ этомъ. Такъ и передайте, — предсѣдатель Госуд. Думы сказалъ, что только негодяи могутъ говорить о сепаратномъ мирѣ теперь, послѣ того, какъ Его Императорское Величество трижды заявилъ, что никакихъ разговоровъ о мирѣ не можетъ быть, пока непріятель не будетъ окончательно пораженъ.

Итакъ, значитъ, помнимъ: всякій, кто захочетъ сепаратнаго мира съ нѣмцами, не побѣдивъ ихъ — называется негодяемъ.

Помните это, читатели.

Бюрократія.

Своевременно:

Въ Гос. Думу внѣенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ законопроектъ, на которомъ имѣется дата 12 августа 1915 года, „Объ оказаніи населенію губерній варшавскаго генераль-губернаторства и Холмской льготъ по уплатѣ страхового сбора по обязательному взаимному страхованію строеній отъ огня“.

Законопроектъ этотъ, очевидно, страдаетъ одышкой и, поэтому, не можетъ угнаться за событіями.

Новый способъ передвиженія раненыхъ.

Вернувшійся съ войны художникъ Мазуровскій между прочими набросками изобразилъ довольно любопытную сценку:

Два здоровыхъ, вооруженныхъ австріяка несутъ на рукахъ нашего раненаго солдата.

— Это очень курьезный случай, — рассказываетъ г. Мазуровскій. — Два рослыхъ австріяка наткнулись на нашего раненаго солдата и пристали къ нему, чтобы онъ взялъ ихъ въ плѣнъ...

— Какъ же я возьму васъ? — отвѣтилъ нашъ солдатикъ. — Вы видите, что я не могу двигаться...

— Вотъ тебѣ пятиалтынный, только сведи къ вашимъ, — не ставали австріяцы. — Мы снесемъ тебя на рукахъ...

Солдатикъ согласился, и австріяцы принесли его на рукахъ въ нашъ штабъ.

На кавказскомъ фронтѣ раненыхъ иногда перевозятъ на ослахъ.

Очевидно, то же иногда случается и на восточномъ фронтѣ.

Арапская игра.

Одинъ игравшій въ карты и проигравшійся человѣкъ заявилъ, что денегъ для расплаты у него нѣтъ.

Партнеры тщательно поколотили его подсвѣчками и выбросили изъ окна... Упавъ на мостовую, несчастливый

игрокъ всталъ, отряхнулся, облегченно вздохнулъ и сказалъ удовлетворенно:

— Ф-фу! Ну, вотъ и разсчитался.

Почти такой же случай произошелъ недавно:

По свѣдѣніямъ „Amsterdamer Telegraph“, Вильгельмъ на-дняхъ издалъ приказъ по арміи.

„Наша задача на восточномъ фронтѣ, — говорится въ приказѣ, — закончена. Отнынѣ нашей цѣлью станеть сломить нашего противника на западномъ фронтѣ“.

Въ заключеніе Вильгельмъ высказываетъ увѣренность, что миръ будетъ заключенъ не позднѣе октября.

Конечно, ему виднѣе. Жаль только, что онъ не указываетъ: какого года?

Приспособляемость.

Въ одномъ номерѣ газеты напечатаны двѣ замѣтки.

Первая такая:

Московскіе студенты грузятъ дрова обывателямъ.

А вторая — въ хроникѣ происшествій — такая:

Въ квартиру купца Ф. С. Копаевского забрались воры. Воровъ замѣтили.

Одного, нагруженного вещами, удалось взять, а другой, про-рвавъ цѣпь, бросился на чердакъ, оказавшійся открытымъ, *выбрался на крышу и, прыгая съ дома на домъ, безслѣдно исчезъ*. Задержанный назвался высланнымъ С. Кирилловымъ. Выдать товарища отказался, но пояснилъ, что *бѣжавшій акробатъ безъ занятій*.

Какъ видите, обѣ замѣтки говорятъ о приспособляемости безработныхъ...

Безработный акробатъ приспособился по-своему, а студенты по-своему...

И печально во всемъ этомъ только то, что акробата люди пытались задержать, а людей, заставляющихъ студентовъ грузить дрова — увы! — никто не задержать и не накажетъ.

Рис. Н. Д.

Вождь социаль-демократовъ, Плехановъ, взываетъ къ эсъ-декамъ, чтобы они усиленнѣ работали, дабы побѣдить нѣмцевъ.

ОБНОВЛЕННЫЙ КЛИЧЪ.

Пролетаріи всѣхъ странъ! Соединяйтесь, чтобы основательно поколотить нѣмцевъ!

Рис. Миссъ.

УЗКИЙ ВЗГЛЯДЪ.

Она: — У этой актрисы совершенно нѣтъ подъема...
Вы не находите?

Онъ: — Богъ ее знаетъ. Изъ этой проклятой ложи я
совершенно не вижу ее ногъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже
при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать пись-
менные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи,
не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Смокеру. — Не хорошо пишеть Смокеръ:

„Спустя нѣсколько дней, вѣшаясь, Павелъ Александровичъ за-
мѣтилъ, что потерялъ десять фунтовъ“...

При этомъ условіи можно не только десять фунтовъ, но и всю
жизнь потерять.

Смокеръ! Когда васъ кто-нибудь соберется вѣшать (хотя бы и
въ наказаніе за такой слогъ) — не соглашайтесь!

Если же предложить вамъ взвѣситься — тогда другое дѣло.

Но не зная разницы между этими двумя экспериментами, ри-
скуете погибнуть.

Караванная. — Н. З. Б. — „Я пишу въ родѣ Диккенса...“ — со-
общаете вы.

Это еще ничего.

Ужасно, если бы Диккенсъ писалъ въ свое время вродѣ васъ.
Змѣйка признается, что это ея первые

робкіе шаги:

„— Тише, — прошептала онъ шопотомъ“.

„Пчела чуть не ужалила ее своимъ ядовитымъ язычкомъ (?!)“.
Смѣемъ васъ увѣрить, что ядовитый языкъ пчелы помѣщается
совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы думаете.

И еще — осмѣлимся прошептатъ вамъ шопотомъ — не пишите
намъ больше.

В. Провинція.

Кинешма. — Не-Суворову. — „У старухи была впалая грудь,
впалые глаза, впалый ротъ и скулы — тоже впалая“.

Рукопись ваша — впалая.

Въ корзину.

Челябинскъ. — Н. П. Мез—ву. —

Ночь тиха, ночь темна...

Вставъ, запахиваюсь въ тогу

И молюсь тихонько Богу,

Чтобъ вернулась жена.

Хорошо бы ввести такой обычай: чтобы къ плохимъ поэтамъ
жены не возвращались.

Въ простр. — Тр. О. — „Если у васъ мои стихи не подой-
дутъ — передайте ихъ въ другую редакцію“.

Слушаю-съ. Редакторъ утречкомъ пораньше встанетъ, сбѣгаетъ
въ другую редакцію и отдастъ ваши стихи другому редактору.
Потому что нашему редактору, собственно, нечего дѣлать. Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ, въ СРЕДУ 30-го сентября вышлетъ № 24 большого
иллюстрированного еженедѣльника новаго типа.

„Журналъ Журналовъ“.

Въ № помѣщены статьи и обзоры: Тайны журнальной науки (Какъ приготавлиются
сенсаци?). Расказанный. Монологи и парадоксы — Скиталець. Замѣтки о ли-
тературѣ — Ал. Ожиговъ. А. И. Гучковъ на посту премьеры — А. И. Василевскій
(Не-Буква). Записки писателя. — Як. Окуневъ. Мои воспоминанія — А. Е. Кауф-
манъ. Штаны застрочки. — Арк. Буховъ. Тайные пороки академиковъ. —
Евг. Вѣнскій. Иллюстраціи, Рисунки, Мелочи, Вермишель

Цѣна отдѣльнаго №—10 коп.

Редакторъ И. Василевскій (НЕ-БУКВА).

Продолжается подписка на 1 годъ — 4 р., на 1/2 года — 2 р. 50 к., на 3 мѣс. —

1 р. 50 к., на 1 мѣс. — 55 коп.

Адресъ Главной Конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій 63, тел. 169—55.

Золотая медаль — Лондонъ, 1893 г.

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ, Москва

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Обм. 1957 г.
арт. рп-203/10

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

НОВОСТЫ!!

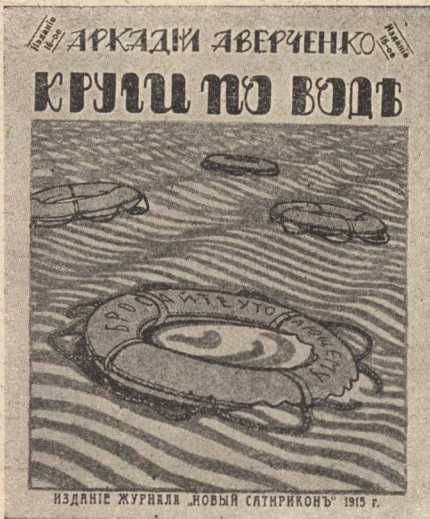

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Тэффи:

Карусель.

Цѣна 1 р. 25 к.

И стало такъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Аверченко.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 25 к.

Волчьи ямы.

Цѣна 50 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.

Сигнальныя ракеты.

Цѣна 1 р. 25 к.

Дмитрій Пензоръ.

Легенда будней.

Цѣна 1 р. 25 к.

Сергѣй Горный.

Почти безъ улыбки.

Цѣна 1 р. 10 к.

А. Мюрже.

Богема.

Цѣна 1 р. 25 к.

„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

(СЪ КЪМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстрировано.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЬ!

Аркадій Буховъ.

ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

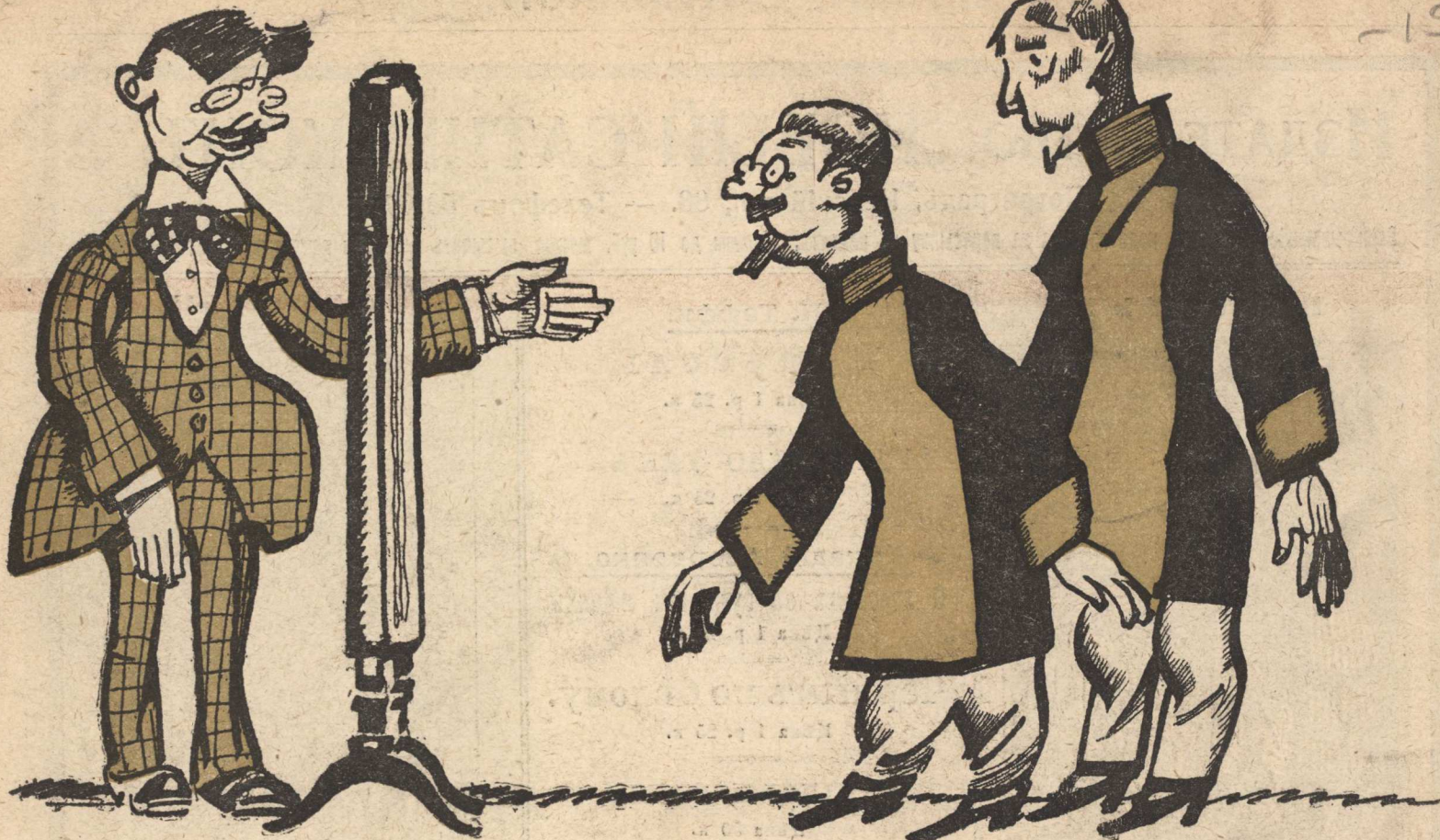

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

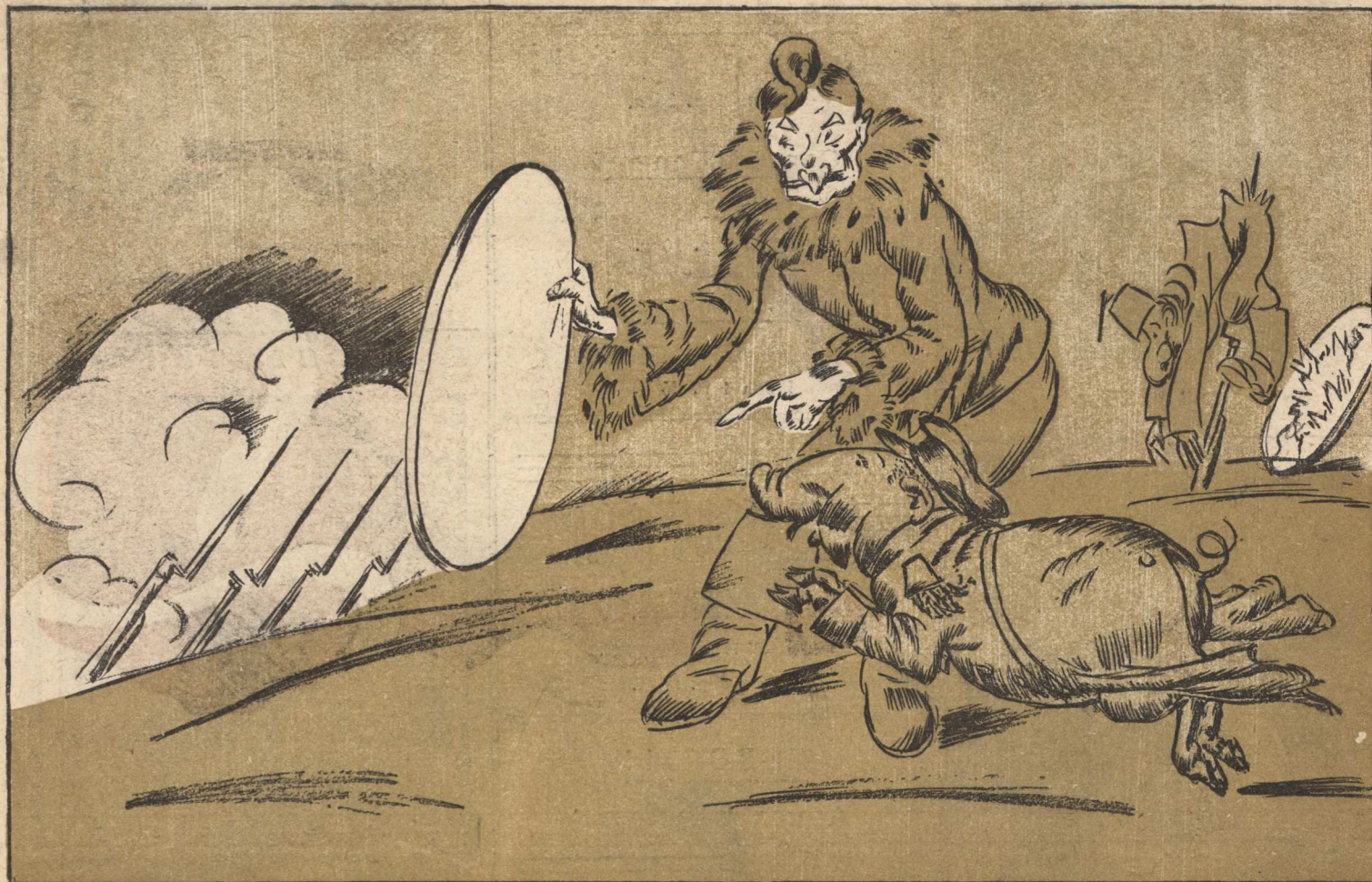

Въ Государственный Совѣтъ выбраны:
Гучковъ, Рябушинскій...
(Изъ газетъ.)

ПРИВЫЧКА — ВТОРАЯ НАТУРА.

Н. Рябушинскій: — Жметъ сильно этотъ мундиръ, — трудно будетъ свободные жесты дѣлать!
А. Гучковъ: — Это что! Вы бы попробовали въ ливреѣ походить!

Рис. Н. Радлова.

Же-Д-І-15960.

ЛУКАВЫЙ КЛОУНЪ.

Вильгельмъ II: — Прыгай, Фердинандъ, сквозь этотъ обручъ, не бойся! Вѣдь ты же видишь, что это только бумага...